

УДК 482-087 (476.5)

А.М. Мезенко, Н.Е. Минина

Лингвистический и экстралингвистический аспекты изучения фонетических особенностей островных русских говоров Шарковщинского района Витебской области

В соответствии с программой комплексного исследования русских островных говоров Витебщины [1] в июне-июле 1996 года была проведена диалектологическая экспедиция студентов и преподавателей филологического факультета Витебского государственного университета на территории Шарковщинского района.

Цели экспедиции: 1) уточнение карты старообрядческих поселений на территории области; 2) сбор материала для "Словаря островных русских говоров Витебщины"; 3) наблюдения над фонетическими и грамматическими особенностями старообрядческих говоров; 4) определение их диалектной принадлежности; 5) социолингвистическая характеристика старообрядческих общин.

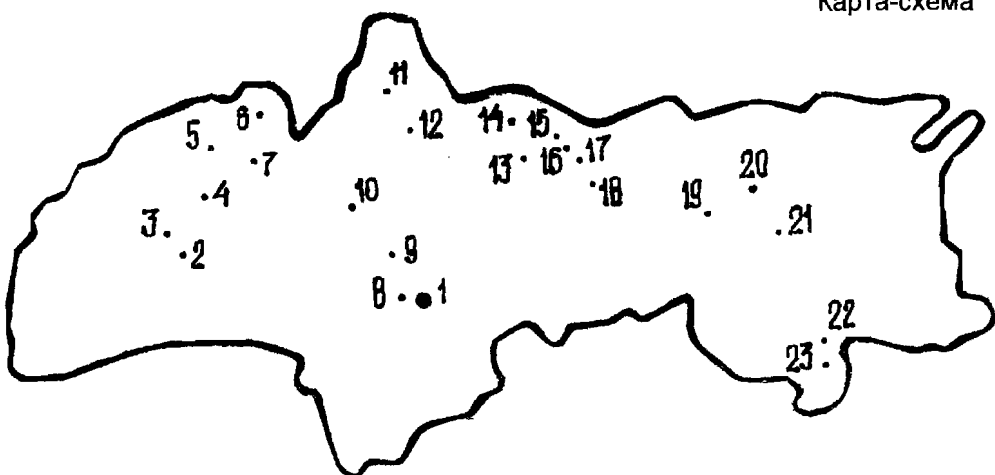
Старообрядческое население зафиксировано в 23 населенных пунктах Шарковщинского района на территории 6-ти сельских советов (Йодского, Бильдюгского, Буйковского, Ручайского, Германовичского и Городецкого). Поселения расположены компактно, недалеко друг от друга, населяющие их старообрядцы входят в состав одной общины.

В настоящее время все поселения в основном смешанные. Старообрядцы (русские по национальности) проживают рядом с белорусами (православными и католиками) и евреями. Иногда встречаются лишь одна-две старообрядческие или смешанные семьи (муж — белорус, жена — старообрядка, реже наоборот), напр. в д.Ковшелево Ручайского с/с. Очень редки исключительно старообрядческие поселения, напр., д.Воронка Буйковского с/с (см. карту-схему).

В деревнях Воронка и Раковцы (последняя уже — ул.Заречная г.п. Шарковщина) действуют старообрядческие моленные. Оригинальна их планировка. Перед иконостасом — два *крыласа* (клироса). Первым на клиросе стоит *головщик*, он запекает. Наверху над входом — *хоры*. Там когда-то стояли во время службы семейные пары. Помещение разделено на две части небольшой перегородкой или просто лавкой: мужчины и женщины молятся раздельно. При поклонах (а они у старообрядцев обязательно земные) опираются на специальные *падрушники*, сшитые из ярких лоскутов местными рукодельницами, разложенные вдоль стен на

лавках. До сих пор шарковщинские старообрядцы сохраняют особенности старообрядческого песнопения (*ла салям*—надстрочным знаком), в семьях и в моленных берегут старые (дониконианского письма) книги и иконы.

Карта-схема

1 - г.п. Шарковщина	7 - Коршунки	13 - Борденцы	19 - Германовичи
2 - Блиновщина	8 - Петровичи	14 - Ковшелево	20 - Премяны
3 - Трабовщина	9 - Буйки	15 - Заборье	21 - Королёво
4 - Буда Дальняя	10 - Воронка	16 - Запрудье	22 - Кушлево
5 - Залесье	11 - Бильдюги	17 - Барсучина	23 - Рубашки
6 - Иоды	12 - Остановка	18 - Речки	

Уникальны старообрядческие кладбища, где встречаются захоронения еще прошлого века, с записями из церковнославянских текстов. На каждой могильной плите установлен или изображен восьмиконечный (патриархальный) крест. Шарковщинские старообрядцы относятся в основном к федосеевскому согласию. Одно из доказательств тому — надписание титла на кресте.

Знакомясь со старообрядчеством, его культурой, мы все больше убеждались, что это необычайно самобытный, богатый пласт нашей жизни, особый менталитет, сохраненный поколениями в течение столетий.

Неотъемлемым и очень важным компонентом, отличающим исследуемую социальную группу, является их самобытный говор. До сих пор это единственный «ключ», позволяющий расшифровать историю старообрядцев, пути движения, выяснить их прародину.

Очевидно, что говоры старообрядческого населения Шарковщинского района генетически восходят к русским говорам, а при более узкой локализации — к среднерусским акающим говорам псковского типа, что объединяет их с аналогичными островными русскими говорами на территории Прибалтики и Польши. Об этом свидетельствует анализ собранного языкового материала.

В исследуемых говорах шире, чем в окружающих белорусских, представлены результаты изменения [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми под ударением. Звук [о] произносится не только в корнях слов (*ад'ожа*, *акр'осных* (брали замуж), *йашч'о*, *чац'в'орты*, *ум'ор*), но и в окончаниях глаголов I спряжения (*зав'ом*, *жыв'от*, *пр'ид'от*, *ваз'м'ош*,

ваз'м'от, б'ар'от, найд'ош). Наличие подобного произношения свидетельствует о том, что в материнском говоре процесс перехода [e] в [o] проходил последовательно. Переход [e] в [o] в указанной позиции свойствен западным новгородским говорам, основной части псковских, он отмечается также исследователями территориально изолированных говоров псковского типа [2].

Встретилась реликтовая форма, связанная с реализацией ĕ в ранней системе вокализма исследуемых говоров. Звук [и] (рефлекс общеславянского ĭ) произносится в глагольной форме ис'т "принимать пищу". В окружающих белорусских говорах данная форма не встречается. Е.Ф.Карский отмечал наличие [и] на месте ĕ в разных формах глагола *есть* в большей части севернорусских говоров [3]. Формы *им, иш, ист* зафиксированы всеми исследователями псковских говоров. Аналогичное произношение отмечено В.А.Саникович в старообрядческом говоре псковского типа д.Трояновка Борисовского района Минской области, встречается в русских говорах псковского происхождения на территории Украины и даже, по данным Э.Д.Эрдынеевой, в говоре старообрядцев Бурятии, который по своим фонетическим и морфологическим особенностям относится к среднерусским говорам, сформировавшимся на севернорусской основе [4].

В говорах старообрядцев всех исследуемых населенных пунктов преобладает недиссимилятивное аканье и яканье: *папá, сабрáушы, глухавá-тый, давáл'и, пастá, (был) хаз'áиньм; дв'анáц'тьвъ, д'ат'ám, гл'ад'át, н'ал'з'á, у'аажáл'и, С'в'атлáна, з'амл'á, д'ау'ч'атк'и, у'сан'áх*. Зафиксированы даже случаи произношения [а] на месте исконного [и]: *выт'арáл, пан'ах'úда*.

Для окружающих белорусских говоров характерно сосуществование диссимилятивного и недиссимилятивного аканья с преобладанием последнеого типа вокализма [5] и диссимилятивное яканье белорусского (жиздринского) типа [5].

Вокализм второго предударного слога отличается сохранением звуков полного образования на месте гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных (*стар'ик'ú, (б'арут) у'маскал'ú, бал'шав'ик'ú, пам'ашáл'ис'а, макарóны, папалáм, пал'ажáц, ражаствó, нагавар'ылъ, галавá, тварашкóм, качаргá*) и тенденцией к более четкому произношению гласных после мягких согласных (*т'ажалó, д'ав'анóста, б'аднатá, п'ерайшла, п'ер'ем'ашáны, п'ер'амóйьш*). В заударной же позиции преобладает редуцированный звук (*с'мáмк'ь, д'éу'льс'á, тап'ёр'ьшн'ьму, тóжъ, малóды'ь*).

Зафиксирована лексикализованная форма со "вторым полногласием": *нав'ар'óх (нъв'ар'óх ад'éу'шы с'рафáн)*. Подобное явление в настоящее время представлено лишь в северо-западных русских говорах и отсутствует на более южной части территории Псковской группы говоров. Аналогичные формы встречаются в островных русских говорах на территории Прибалтики [6] и Польши [7].

В аллеговой речи повсеместно зарегистрирован лексикализованный случай эллипсиса гласного второго и даже первого предударного слога в формах *гвар'у, гвар'úц', гр'иц'*. Исконность подобного явления в исследуемых говорах подтверждается наличием его в говорах среднерусского происхождения на других территориях, в частности Прибалтики [6].

В области консонантизма говоры старообрядцев отличает мягкое произношение [ч'] и [р']: *ч'ап'éц, дóч'ка, у'маскв'ич'éй, ч'ай, ч'асц'éй, ч'уж'ы'ь*;

згар'ёушы, у'д'ар'ёун'и, тап'ёр, стар'ик'и, кр'ас'т'ил'и, пр'ихад'ил'и, кр'ил'ьсы (место в церкви, где стоят певчие), *абр'ат*.

Окружающие белорусские говоры являются твердозырыми [5]. Мягкий [ч'] на территории Витебщины известен лишь говорам Витебского и Дубровенского районов [8]. Наличие [ч'] и [р'] в говорах старообрядцев Шарковщинского района, несомненно, особенность русской консонантной системы.

В большинстве русских говоров (в том числе и в современных псковских) отмечено мягкое произношение указанных звуков. По наблюдениям Т.Н.Кандауровой над языком псковского Пролога 1383 г., и в древнепсковском диалекте аффрикаты были постоянно мягкими [9]. Твердый же [р] на месте этимологического мягкого исторически был знаком большинству псковских говоров, преимущественно расположенных по соседству с бывшей Витебской губернией. Вопрос о причине появления твердого [р] на месте мягкого в псковской письменности и говорах является до сих пор неясным. Некоторые исследователи (напр., Н.М.Каринский и Ф.П.Филин) связывали появление твердого [р] с влиянием белорусского языка, А.А.Шахматов видел как в псковском, так и в белорусском твердом [р] результат польского влияния, В.В.Колесов объясняет отвердение [р], как и другие псковские явления, внутренними причинами. Следует также, на наш взгляд, учесть, что население Псковщины и северной Белоруссии составляют потомки кривичей. Общие особенности, возможно, восходят еще к эпохе племенных диалектов. Наличие же в исследуемых говорах коррелятивной пары [р - р'] свидетельствует о более северном расположении их материнского говора (север Псковщины).

Помимо мягких [ч'] и [р'], зафиксированы и полумягкие (невеляризованные) [ч*], [р*] и твердые [ч], [р] в одних и тех же лексемах. Налицо живой процесс, имеющий определенную направленность: [ч' → ч* → ч], [р' → р* → р], и свидетельствующий о влиянии белорусского диалектного окружения.

Четкой позиционной прикрепленности членов приведенных ступенчатых рядов не обнаружено. Очевидно, мы имеем дело со смешением звуков, которые для говорящих являются неразграниченными и не получили еще своего особого места в фонетической системе. Наличие подобного смешения свидетельствует, что "фонетическая система говора <...> потеряла "непроницаемость" по отношению к чужим звукам ...", однако "новые фонетические отношения на этой стадии не являются сформированными, так как старое и новое употребляются без разграничения" [10].

Звук [г] в говорах старообрядцев взрывной (*другой, гавар'ил'и, з'галавой, сапаг'и, выт'аг'эвал, багабай'азныйя* (люди), *йаг'ды, награда, н'икагда, кн'иг'и, агн'ом, грам'ятныи*), что резко отличает их от белорусского окружения. Любопытным, на наш взгляд, является сохранение взрывного произношения даже в лексике церковнославянской: *богу мол'имс'ь* (Воронка), *спас'и го'сп'ди* (Раковцы).

[γ] зафиксирован спорадически. Замена [г → γ], очевидно, обусловлена звуковым окружением и преобладает в интервокальной позиции, потенциально слабой в артикуляционном отношении для любого согласного (*на'γот, ус'а γо, за'йа γо, па'γад'и, ба'γац'еи*). Отмечается и преобладание функциональной пары [г - х] (*вд'рух, у'паро'х*), что также свидетельствует о наступлении белорусского диалектного окружения.

Архаическому слою исследуемых говоров знаком звук [ф] (*фам'ил'ийь, футры*) и реализация <в> в звуке [в] или [ф] (в позиции оглушения), как в

большинстве севернорусских и среднерусских говоров: *маскóфку, рука́ф, фс'о, афтóбус, фс'áка, нъ'в'ир'о́фкьх, ро́цтв'ънн'икъф; ус'о вр'ём'а, в'уг-лу, Агур'йáньвнь, влáс'т'и, давным давно́, настáвн'ик*. Зафиксированы и гиперимы *фúтър, фóйа, фост, афóта, пач'аф'úда*, что, как нам кажется, вызвано стремлением сохранить "русское" произношение.

Спорадически отмечаются формы со следами твердого цоканья (*сáмы прызашо́ццы з Пук, пьцыта́йу, д.Воронка*), свойственного некогда древнему новгородскому диалекту [3], и смешения шипящих и свистящих (*з'ал'э́зны, тутэйсы*), издавна отличающие псковские говоры и постепенно утрачиваемые ими в результате взаимодействия с белорусским и соседними среднерусскими говорами [9].

В исследуемых говорах широко представлены случаи регрессивной ассимиляции по назальности в сочетании *дн* и произношения долгого [нн]: *м'енный, нно, тру́нна, холанна, скаваро́нн'ик, анно́*. Подобное явление характерно также для западных среднерусских говоров (исключая довольно значительные ареалы южнее и севернее Новгорода), отмечается в говорах северного наречия, широко представлено в псковских говорах. В белорусских говорах Шарковщинского района подобное произношение не зафиксировано, спорадически встречается лишь в говорах соседнего Глубокского района (в одном населенном пункте) [5].

Реже встречается ассимиляция [бм → мм] (*амма́н, амм'ёр'ул*), характерная для всего севернорусского наречия и западных среднерусских говоров и также отсутствующая в говорах соседней-белорусов.

Зафиксированы случаи отсутствия ассимиляции в сочетаниях переднеязычных мягких согласных с *j* (*кут'йá, рубаха са свайво́ ткан'йá, пагр'аб'ён'ийь, кр'ишч'ён'ийь, Ил'йá*), широко представленной в говорах белорусских. Формы без ассимиляции звучат в основном в беседах на религиозные темы и тогда, когда информаторы хотят подчеркнуть, что они русские и их речь отличается от белорусской. Наличие таких форм, очевидно, следует связать с языковыми особенностями говора-субстрата, которому ассимиляция *t'j → t't'* не была знакома, или с влиянием церковнославянского языка.

Таким образом, фонетические системы исследуемых старообрядческих говоров и окружающих их белорусских существенно различаются. Говоры старообрядцев до сих пор сохраняют свою русскую основу, столкновение же "старого" и "нового" рождает уникальные языковые процессы и явления, ждущие научной интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Минина Н.Е.** Русские говоры на Витебщине: Учебно-методическое пособие по курсу "Русская диалектология". - Витебск, 1996. С.10-18.
2. **Самохвалова Е.И.** Изучение русских говоров на территории Украины // Вісник Київського університету. №2. Серія філології та журналістики. - Вип.1, 1959. - С.55-65.
3. **Карский Е.Ф.** Русская диалектология. - Л., 1924. С.63.
4. **Эрдынеева Э.Д.** Диалектная речь русских старожилов Бурятии. - Новосибирск, 1986. С.19.
5. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. - Мінск, 1963. К. 1, 4, 42, 60.
6. **Немченко В.Н.** Фонетически варианты диалектизмы в лексике русских старожильческих говоров центральной части Литовской ССР // Псковские говоры. П. - Псков, 1968. С.79, 81.

7. **Грек-Паблсова I.** Rosyjska gwara starowiercow w wojewodztwach olsztynskim i bialostockim/ - Wroclaw - Warszawa - Krakow, 1968. S.56.
8. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. - Мн., 1964. С.133.
9. **Кандаурова Т.Н.** К истории древнепсковского диалекта XIV в.: О языке псковского Пролога 1383 г. // Труды Ин-та яз.зн. - Т.VIII. - М., 1957. С. 262, 280-281.
10. **Гвоздев А.Н.** К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров // Избранные работы по орфографии и фонетике. - М., 1963. С. 207-208.

S U M M A R Y

Phonetic characteristics of island Russian (pre-Nikon religion) dialects of Sharkovshchina district Vitebsk region are studied.

Their Russian pre-basis and the presence of interfering influence of the surrounding Byelorussian dialects are found out.

УДК 483.2

В.М. Генкин

Стилистические и словообразовательные особенности адъектонимов Витебской области

В последнее двадцатилетие появилось несколько достаточно глубоких работ в области белорусского оттопонимного словообразования. Однако проблема по дальнейшему изучению и, главным образом, нормализации этого лексического пласта остается по-прежнему острой. Сложность ее решения обусловлена несколькими причинами. Во-первых, топонимы, основы которых участвуют в словообразовании, представляют собой весьма разнородный лексически и грамматически класс слов. Во-вторых, адъектонимы образуются стихийно и под очевидным влиянием диалектных факторов. Как отмечают А.В. Орешонкова и В.П. Лемтюгова, "Основная часть географических названий формулируется и функционирует в устном народном языке и в отличие от общелитературных слов имеет узкорегionalную привязку" [1]. Естественно, что при этом ярко выраженные диалектные черты будут нести на себе и оттопонимные производные. Третьей причиной является то, что оттопонимные прилагательные (а равно и катойконимы) появляются в разные временные периоды (вместе с появлением географических названий). На одновременность возникновения топонима и оттопонимных слов указывает Е.А.Левашов: "Эти слова — ровесники и спутники наших городов" [2].

Авторы большинства работ, посвященных проблемам оттопонимного словообразования, основывают свои исследования на материале живого разговорного языка. Такой подход в силу специфики данного лексического пласта определяется нами вполне правомерным. В то же время систематическое использование оттопонимных прилагательных в других стилях языка (в первую очередь в официально-деловом) диктует необходимость анализа стилистических особенностей адъектонимов. Без такого анализа